

Каменщик Чжан взглянул и тут же узнал, закивал:

— Да-да, это моя работа, с первого взгляда видно.

— Вот и вся история, — Сюэ Сянь развёл руками, обращаясь к Цзян Шинину. — Он связан с теми, кто обустроивал гробницу на острове Могильный Холм, и у него случайно оказалась вещь, которую трогал либо тот человек, либо его подручный. Когда Лу Няньци очнётся, попросим его сделать расчёт — возможно, появится зацепка.

— Лу Няньци? — Цзян Шинин на миг задумался, затем понял. — Ты уверен, что у него тоже есть такие способности?

Сюэ Сянь кивнул:

— Полагаю, да.

Он сидел на стуле, лениво теребя языки пламени пальцем, но вдруг хлопнул по столу:

— Точно, чуть не забыл.

Цзян Шинин и Каменщик Чжан, примостившиеся у стола, вздрогнули и уставились на него, ожидая важного заявления. Однако привереда лишь бросил на Сюань Миня холодный взгляд исподлобья и произнёс:

— А где обещанная еда?

Цзян Шинин: «...» Что ещё?

Каменщик Чжан: «...» Ох, матушка, сердце в пятки ушло.

Сюань Минь взглянул на него, тут же развернулся, вышел из зала и скрылся за дверью.

Время, за которое успевают остыть чашка чая, — и он вернулся, невозмутимо неся коробку с едой. Его вид и осанка были таковы, словно он нёс не пищу, а цветок лотоса для алтаря.

Цзян Шинин посмотрел на него, затем на развалившегося на стуле Сюэ Сяня и молча отвернулся.

Коробка была четырёхъярусной, внутри — шесть блюд и тарелка с хрустящими лепёшками.

Сюэ Сянь окинул взглядом: фарфоровые тарелки тёплые, яства изысканные, расставленные на столе, смотрятся красиво и источают лёгкий аромат, действительно пробуждающий аппетит. Но...

Но...

Во всех этих блюдах, хоть со светильником ищи, не сыщешь ни крошки мяса — всё исключительно вегетарианское!

Всё! Вегетарианское!

Слыхано ли, чтобы дракон в какую бы то ни было эпоху питался травой?

Сюэ Сянь закатил глаза и в гневе чуть не отключился. Старые и новые обиды всплыли разом, и

он возненавидел Сюань Миня ещё сильнее.

Хотя память Сюань Миня и была неполной, привычки остались. В прошлом он, видимо, не употреблял мясного — возможно, вообще почти ничего не ел, раз мог несколько дней обходиться без пищи и оставаться в добром здравии. В общем, если покупкой занимался он, мяса ждать не приходилось. В конце концов Цзян Шинин снова сбегал и принёс несколько сытных мясных блюд — лишь тогда получился полноценный обед.

.....

Помимо того случая восемь лет назад, Лу Няньци, пожалуй, не испытывал таких мук.

Он проспал все семь дней в тяжёлом забытии, мечась между жаром и ознобом. Иногда, в бреду, под покровом ночи он невнятно выкрикивал то «папа», то «Девятнадцатый», словно, не открывая глаз, он мог отдалить свершившееся, а тех, кого уже нет, — удержать у своей кровати, тихо ухаживающих за ним в ожидании пробуждения...

Лишь на седьмую ночь, едва ночной сторож отбил гонгом время, его пальцы дёрнулись, и он открыл глаза.

Из-за долгой лихорадки в глазах ещё виднелись непрошедшие кровавые прожилки, а в свете масляной лампы зрачки покрылись влажной плёнкой, будто всё это время в них стояли слёзы.

— Очнулся? — Цзян Шинин как раз подошёл поправить фитиль и, увидев открытые глаза, спросил:

— Воды хочешь?

С этими словами он крикнул что-то в зал, затем подошёл к кровати и снял с лба Лу Няньци лекарственный компресс.

Прикосновение тела призрака было леденящим; от него Лу Няньци вздрогнул, и влага из глаз потекла по вискам, промочив угол одеяла:

— Сегодня... седьмой день?

Цзян Шинин замер, затем кивнул:

— Угу, последняя ночь.

Тот на мгновение прикрыл глаза тыльной стороной руки, затем откинул одеяло и сел, безразличным тоном произнеся:

— Он ещё здесь? Я проведу с ним последнюю ночь.

Не знаю, не показалось ли это Цзян Шинину, но Лу Няньци, пробыв столько дней в забытии, после пробуждения говорил с интонациями, всё больше напоминавшими Лу Шицзю. А когда он встал, Цзян Шинин окончательно убедился — это не обман, ибо прежде тщедушный и низкорослый Лу Няньци за эти семь дней вырос на несколько цуней. Теперь он выглядел не на семь-восемь лет, а на одиннадцать-двенадцать.

Лу Няньци, ошупью выбравшись из комнаты, с безразличным видом кивнул присутствующим и, следуя указаниям Цзян Шинина, прошёл в соседнюю комнату, закрыл за собой дверь и провёл там целую ночь.

Всю ночь в той комнате не было слышно ни звука — ни плача, ни разговоров.

Он сказал «побуду с ним» — и действительно просто был рядом, тихо, без слов, без страсти и без излишней привязчивости, точно так, как они обычно проводили время вместе.

На следующее утро Лу Няньци с бледным лицом вышел из комнаты. Перебирая оставленную ему Девятнадцатым деревянную ветку, он уставился в сторону Каменщика Чжана своими тёмными, лишёнными блеска глазами и неспешно произнёс:

— Потрудитесь, не могли бы вы вырезать две деревянные таблички?

Хоть он и был каменщиком, с деревом тоже умел обращаться, просто не так искусно, как с камнем.

Каменщик Чжан на миг опешил, затем кивнул.

Сюэ Сянь напомнил:

— Он твоего кивка не видит.

Каменщик Чжан с изумлением уставился на глаза Лу Няньци, но лишних слов не проронил, лишь сказал:

— Разумеется, могу.

Он прожил в уезде Волун много лет и, хоть и не был близко знаком с семьёй Лу, всё же сталкивался с ними, можно сказать, видел. Услышав слова Лу Няньци, он сразу понял, что тому нужно. Каменщик Чжан был мастеровитым, дерево же резать легче, чем камень, — потому вскоре он вырезал две заготовки для поминальных табличек, украсив их по краям привычными узорами.

— Что вырезать? — спросил Каменщик Чжан.

Лу Няньци ответил:

— На одной: «Место покойного отца Лу Юаня».

Каменщик Чжан так и сделал: тщательно перевёл иероглифы и понемногу вырезал. Затем сдул стружку и спросил:

— А на второй?

Лу Няньци замер, долго не произнося ни слова.

Что вырезать на второй? Полное имя? Девятнадцатому не хватило лет, и ему так и не успели дать настоящее имя — вырезать нечего. А «Девятнадцатый» — просто простонародное прозвище, таких «Девятнадцатых» в Поднебесной тысячи тысяч. Явись он в жёлтые источники и назовись так — неизвестно, сколько ошибок наделает князь Яньло. К тому же он и не хотел вырезать имя Девятнадцатого — словно с последним штрихом тот его всегда немного чуждавшийся, но жизнь за него отдавший брат и впрямь исчезнет навсегда.

— Ладно, пусть вторая будет пустой, без надписей, — неожиданно проговорил Лу Няньци, затем принял из рук Каменщика Чжана обе таблички. На ощупь отыскал в шкафу кусок ткани и, никому не позволяя помочь, сам собрал немудрёные пожитки, аккуратно завернул в них

таблички, завязал узел.

Покончив с этим, он присел с узелком у квадратного стола и, перебирая ветку, произнёс в сторону Сюэ Сяня:

— Я знаю, чего вы хотите. Понял с того момента, как открыл глаза. Я помогу вам вместо Девятнадцатого, только вряд ли расчёты будут такими же точными, как у него. Лишь об одном прошу — помогите мне предать Девятнадцатого земле.

Как бы он ни не желал полагаться на других, похороны — не то дело, что может совершить один, да ещё и подслеповатый.

— Пустяки, — ответил Сюэ Сянь.

Чёрную ткань, отданную Каменщиком Чжаном, Сюань Минь всё это время хранил в потайном кармане на поясе, и лишь сейчас выложил на стол, чтобы Лу Няньци мог сделать расчёт.

Лу Няньци устремил на ткань взгляд, подёрнутый лёгкой дымкой, рассыпал на столе щепотку мелкой земли и, опираясь на ветку, медленно выводил линии. И в движениях, и в выражении лица сквозила тень Девятнадцатого, словно в одном теле жили двое.

Закончив, он поднял руку, слегка погладил землю, нахмурился и после паузы промолвил:

— ...Видно, мне всё же не хватает той одарённости, что была у Девятнадцатого. Могу лишь определить, что сейчас тот человек находится на другом берегу реки. Вижу примерные очертания, но точное местоположение назвать не могу — наверное, придётся подойти поближе, чтобы опознать.

С этими словами он снова разровнял землю на столе и повторил расчёт — результат остался прежним.

Впрочем, он, кажется, и не ожидал иного, лишь похлопал по лежащему на столе узелку:

— Если не сочтёте обузой, могу пойти с вами.

В конце концов, в уезде Волун не осталось никого из живых, с кем его связывала бы кровь. Не стало родных — оборвались и корни. Где жить — всё равно.

<http://bllate.org/book/16289/1468027>